УДК 94(47).072

В. В. Кучурин

Из истории политической борьбы в начале XIX в.: нереализованный проект масонской реформы М. М. Сперанского

В 1810 г. Александр I через военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Балашова объявил высочайшее соизволение на возобновление масонских лож[1]. О мотивах этого решения можно только догадываться. Предполагают, что Александр I планировал приступить к насаждению мистической идеологии в российском обществе, но предпочитал делать это тайно и постепенно[2]. В связи с этим не исключено и даже вполне вероятно, что он имел намерение посвятить себя в тайны масонства и использовать его в своих политических целях[3]. Гипотеза эта не представляется полностью надуманной, так как масонство с его идеей «единой вселенской религии», в которой «согласны между собой все без исключения люди», вне всякого сомнения, соответствовало «экуменическим» планам императора.

Наряду с Балашовым важную роль в реализации этих планов сыграл знаменитый российский реформатор М. М. Сперанский. В 1810 г. параллельно с общим реформированием государственного управления он разработал и предложил Александру I собственный проект масонской реформы.

[1] См.: *Кушелев Е. А.* Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож... // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 467.

[2] *Вишленкова Е.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Саратовский государственный университет, 2002. С. 132.

[3] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. I–II. СПб., 1861. С. 261.

К ее разработке Сперанский приступил во многом в связи с увлечением всякого рода мистическими и эзотерическими учениями, а также искренней верой «в перерождение мира посредством тайных обществ», в частности масонских, которыми он заинтересовался еще в 1803 (или 1804) г. Сперанский попросил тогда великого мастера санкт-петербургской ложи Умирающего сфинкса А. Ф. Лабзина ввести его в масонское братство. Однако скрытный и недоверчивый Лабзин отказал новоявленному искателю масонских тайн. В этой ситуации, и это точно установлено, Сперанский обратился к одному из руководителей масонов-розенкрейцеров екатерининского царствования И. В. Лопухину, который в конце концов стал его духовным учителем в масонских и эзотерических таинствах. В течение нескольких лет Лопухин регулярно наставлял своего ученика и высылал ему для чтения и перевода разнообразную эзотерическую литературу. После этого, вероятно, в 1806 г., Сперанский познакомился с масоном-розенкрейцером А. А. Ленивцевым, а он, в свою очередь, свел его с руководителем общества «Народ Божий» или «Новый Израиль» графом Тадеушем Лещицей-Грабянкой, выдававшим себя за «посланника Провидения» и проповедовавшим в Санкт-Петербурге «новое иерусалимское царство»[4]. Затем, в 1809 г., Сперанский подружился с мистиком и масоном Р. А. Кошелевым[5].

Одновременно, как предполагают исследователи, для подготовки масонской реформы Сперанский с позволения императора и по рекомендации профессора Педагогического института П. Д. Лодия вызвал в Россию немецкого богослова (перешедшего из католицизма в лютеранство), историка, профессора восточных языков и герменевтики, теоретика и практика масонства Игнатия-Аврелия Фесслера[6]. В феврале 1809 г. ему послали официальное приглашение занять должность профессора восточных языков в Духовной академии. В течение года шли переговоры. В январе 1810 г. Фесслер наконец приехал в Санкт-Петербург[7].

Впрочем, гораздо вероятнее, что инициатива в разработке проекта масонской реформы исходила не от Сперанского, а от Фесслера, более сведущего в масонских делах. Фесслеру было нетрудно убедить Сперанского в целесообразности

[4] Об этом факте в частности сообщал А. Ф. Лабзин в письме Д. П. Руничу (см.: Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201 об.). На это же указывал М. Л. Магницкий в записке Николаю I. В ней он писал: «Как собрания сии открывались молитвою “Отче наш”, ограничивались изъяснением Евангелия, не довольствуя пытливости некоторых слушателей, Сперанский и Лубяновский, дошли до особенных свиданий с Грабянкою, у него на дому; но в то самое время, как они наиболее с ним сблизились, полиция взяла его под стражу...» (см.: Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 2. С. 296).

[5] Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 2. С. 301.

[6] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. С. 260.

[7] В связи с этим М. Л. Магницкий писал: «Около, сколько помню теперь, 1810 года приехал в Петербург, вызванный Сперанским, неизвестно кем ему указанный, <...> — Фесслер» (Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 2. С. 297).

реформирования масонства, использовании его в общегосударственных интересах и в необходимости предложить это Александру I[8]. Острый ум, широта взглядов, масонская эрудиция и личное обаяние Фесслера, несомненно, импонировали Сперанскому. Кроме того, их сближала определенная общность воззрений. В частности, Сперанский разделял представление Фесслера о том, что масонство, чуждое фанатизма и «лживой mysticite», сообразуется со всяким христианским учением и воспитывает в своих членах благочестивые религиозные чувства.

Прежде всего Фесслер принял Сперанского в масонство. Для этого, как свидетельствует сам Сперанский, Фесслер открыл частную домашнюю ложу, которая «ни имени, ни состава, ни учреждения, ложам свойственного, не имела»[9]. Точная дата открытия ложи и принятия Сперанского неизвестна, но в любом случае это произошло не позже июня 1810 г.

После этого Сперанский и Фесслер приступили к разработке проекта масонской реформы. О его содержании можно судить по нескольким независимым источникам.

В первую очередь это обнаруженные в Венском государственном архиве и опубликованные в 1902 г. в журнале «Русская старина» в переводе с немецкого воспоминания Ф. М. Гауеншильда — сотрудника Сперанского в Комиссии составления законов[10]. По словам Гауеншильда, Сперанский задумал «основать масонскую ложу с филиальными ложами по всей Российской империи, в которую были бы обязаны поступать наиболее способные из духовных лиц всех сословий»[11]. В дальнейшем «*духовные* братья были бы обязаны писать статьи по известным гуманным вопросам, говорить проповеди и т.д., каковые бумаги должны были затем препровождаться в главную ложу на рассмотрение первого мастера <...>, по предложению которого достойнейшие должны были получать повышение в союзе масонских лож и в государстве»[12].

Кроме того, о проекте масонской реформы известно по двум сохранившимся специальным запискам (донесениям) о масонстве.

По мнению исследователей, автором первой записки был Сперанский. Полный текст ее не обнаружен. Сохранились выписки, сделанные Г. В. Вернадским. Записка состояла из двух частей. В первой части Сперанский рассмотрел существующие масонские системы, во второй дал общую оценку масонства, указав на его плюсы и минусы. Все масонские системы Сперанский характеризовал

[8] В частности, Ф. М. Гауеншильд указывал на «влияние дурных советов Фесслера» (*Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания // Русская старина. 1902. Т. 110. С. 253).

[9] См.: *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. С. 261. Впрочем, А. Ф. Лабзин предполагал, что Сперанский «мог получить некоторые градусы <...> еще прежде» от Ф. П. Ключарева и И. В. Лопухина (См.: Письма А. Ф. Лабзинак Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 224). Однако другими источниками данное предположение не подтверждается.

[10] См.: *Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания // Русская Старина. 1902. Т. 110. С. 251–262.

[11] Там же. С. 253.

[12] Там же. С. 253–254.

отрицательно, но особенно «шведские» ложи, которые «состояли из невежд и дураков», и розенкрейцерство, представлявшее собой «смесь мистицизма, политики и религии». В связи с этим он писал: «1) Цель масонства (к какой бы ветке или системе оно ни принадлежало) в самом себе противна единству властей, а следовательно интересам Правительства; 2) зло, которое может произойти от него,— позитивное, а добро, которое может произойти,— гадательно; 3) система Храмовников-Розенкрейцеров — противна порядку, установленному в обществе, т[ак] к[ак] они все признают вторую власть рядом и независимо от власти законной — status in statu; 4) это таинственное орудие дает человеческому разуму вредное направление, приготовляя его ко всяким впечатлениям; там, где находятся уже организованные правители и управляемые — нужно еще только одну светлую голову, чтобы сделать из этой организации всё что угодно; 5) масонство было главным средством, употребляемым делателями революции; а сколько раз оно служило второстепенным средством, не говоря уже о революциях, которые делались в маленьком размере <...> в самом масонстве; 6) аксиома, что всё, что заставляет Правительство скрывать и покрывать недостатки,— доказывает, что оно само следует порочному принципу; 7) в качестве клуба — не отвечает внешней формой: зачем есть и жить под тайной?»[13]

Вместе с тем Сперанский признавал, что в положительном плане масонство «1) дает моральную и религиозную связь, которую может использовать правительство; 2) воспитывает чувство религиозности; 3) делает людей законопослушными; 4) подготавливает к административной работе»[14]. Но, по его мнению, чтобы все эти положительные черты масонства оказались действенными, необходимо подготовить новую масонскую конституцию и провести на ее основе реформу масонства.

Авторами другой записки, как считается, были И.-А. Фесслер и Г. А. Розенкампф. В записке довольно подробно излагалась история масонства с описанием разных масонских систем, обманов, происходивших в ордене, как, например, в системе тамплиерства. В заключение авторы отмечали, что «истинное масонство соображается со всяким христианским учением и, какое бы масоны ни исповедовали, оное стремится возбудить во всех человеках чувства прямо благочестивые и христианские, и сберечь их от фанатизма и лживой mysticite, не вводя в иноверие»[15]. В дальнейшем они предполагали «изложить в другом представлении истинную систему древнего масонства, и способы, какие правительство может употребить не только для избежания злоупотреблений, в которые впали касательно сего предмета во всех землях, но что можно воспользоваться масонством и для просвещения целой нации»[16].

[13] Цит. по: *Серков А. И.* История русского масонства в XIX веке. СПб., 2000. С. 71–72.

[14] Там же. С. 72.

[15] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. XVIII — первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 389.

[16] Там же.

К практической реализации проекта Сперанский приступил в июне 1810 г. По свидетельству Гауеншильда, он подготовил и представил императору записку о масонстве и проекты двух указов: первым повелевалось закрыть все ложи в России, второй же предлагал или принять преобразования Сперанского, или прекратить деятельность[17]. Одновременно «Сперанский приступил <...> к торжественному открытию Великой ложи»[18]. По свидетельству Магницкого, это была ложа Полярной звезды[19]. Мастером стула стал Сперанский[20]. Работы в ложе проходили по «новому ритуалу», сочиненному «по большей части Фесслером», на французском языке в «беседке, принадлежащей к помещению Комиссии Законов»[21]. Кроме Сперанского в нее входили Гауеншильд (первый надзиратель), Розенкампф (второй надзиратель), П. П. Помиан-Пезаровиус (брат вводитель), Фесслер, П. Д. Лодий, Злобин, Дерябин, М. Л. Магницкий, Р. Ренненкампф, Е. Е. Эллизен и другие лица, составлявшие окружение Сперанского[22].

В свою очередь Фесслер то ли по личной инициативе, то ли по указанию Сперанского (источники об этом умалчивают) попытался установить связи с местными масонами. Сведения об этом имеются в письме А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу. В нем весьма информированный в масонских делах руководитель ложи Умирающего сфинкса писал: «Приехав сюда, Фесслер явился в здешнюю Немецкую □; но немцы, частью по гордости, частью по моему предупреждению чрез Сергеева, не поддались ему, и он остался просто членом почти безгласным. Фесслер обратился ко мне, и через Немецкого Meister vom Stuhl просил у меня письменно позволения быть ко мне и сделать со мною bruder liebe bekanntschaft. Я отвечал мастеру Стула Немецкой ложи: “Что я г-на профессора Фесслера по слухам давно имею честь знать, и как профессора я готов его у себя принять: а как брата не могу ему предложить с собою знакомства”. Фесслер однако ж

[17] *Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания. С. 254.

[18] См.: *Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания. С. 254. Сведения эти отчасти подтверждаются письмом Лабзина к Руничу от 20 июля 1810 г., в котором он писал: «Фесслер <...>, удовлетворяя любопытству Сперанского, Магницкого и Злобина, составил с ними тайную □ (символ, обозначающий масонскую ложу. — *В. К.*) или Капитул, которому хочет подвергнуть учреждение и правление 🗗 (символ, обозначающий несколько масонских лож. — *В. К.*) в России и которого главою быть предоставляет Сперанскому» (Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201 об.).

[19] Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах. С. 297–298.

[20] *Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания. С. 254.

[21] Там же.

[22] Там же. С. 255. Следует заметить, что в исследовательской литературе время начала работы ложи Полярной звезды до сих пор определяется по-разному. Т. О. Соколовская и А. И. Серков по странному недоразумению относят это к 1807 г. (*Соколовская Т. О.* Раннее александровское масонство // Масонство в прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2. С. 174; *Серков А. И.* История русского масонства. С. 70). По мнению А. Ю. Минакова, тоже ошибочному, Фесслер организовал работу ложи в 1809 г. (*Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 141).

у меня был, я также отплатил ему визитом; но как я его весьма остерегался, а он не мог быть мною доволен, то сие посещение и не было повторено ни с той, ни с другой стороны». Затем Фесслер провел удачные переговоры с Жеребцовым, в ложе которого стал почетным членом[23].

Как следствие, в июле–августе 1810 г. в Санкт-Петербурге появились слухи, что «в главнокомандующие Жеребцовского масонства въедет Сперанский», что «Фесслер <...>, удовлетворяя любопытству Сперанского, Магницкого и Злобина, составил с ними тайную □, или Капитул, которому хочет подвергнуть учреждение и правление 🗗 в России и которого главою быть предоставляет Сперанскому»[24], который «точно занимается сим делом или как шпион, или чтоб образовать с Фесслером свой департамент, начальников отделения, и пр[очее] по-своему», что «от них поданы уже бумаги к государю, и ожидали, что мастера лож призваны будут к министру полиции, а потом к министру просвещения, и им объявлены будут сделанные акты, по которым позволяется им держать свои 🗗, и в которых будто бы (подчеркнуто автором письма. — *В.К.*) велено выбросить, или сократить то, что есть религиозное, а оставить больше того, что забавно быть может», что «с другой стороны говорят, что 🗗 запретятся; ибо они сделались слишком уже публичны и всеобщей материей разговоров, наравне с Бонапартею...»[25]

В то же время Балашов, считавший, что «не тех лож бояться надобно, которые не скрываются, но которые прячутся», хотел, опираясь на мастера стула ложи Соединенных друзей Жеребцова, поставить начальником над всеми петербургскими ложами белорусского генерал-губернатора принца Вюртембергского и даже обращался с этим предложением к Александру I[26]. Однако высочайшего одобрения не получил, так как император решил, что поскольку принц «во-первых не русский, во-вторых, может по службе отлучаем быть, то бы он лучше предоставил звание и место сие другому»[27]. Тем не менее Балашов не оставил попыток установить контроль над масонскими ложами. Позднее, будучи уже министром полиции, он, по свидетельству Лабзина, требовал от Жеребцова, чтобы тот «надзирал за другими ложами». При этом Жеребцов,

[23] Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201–202 об. Однако мнение А. И. Серкова о формировании союза «Фесслер–Новиков–Жеребцов», которое он подтверждает переговорами Фесслера с Жеребцовым, а также с И. В. Лопухиным и З. Я. Карнеевым, представляется недостаточно аргументированным. В это время И. В. Лопухин и З. Я. Карнеев отошли от масонства и не принадлежали к кругу Н. И. Новикова. В настоящее время можно утверждать, что сложился только союз «Фесслер–Жеребцов», так как, по свидетельству хорошо информированного А. Ф. Лабзина, «Жеребцов в речи своей сказал, что они сделали великое приобретение в особе Фесслера» (Там же. Л. 202 об.).

[24] Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201 об.

[25] Там же. Л. 215.

[26] Там же. Л. 188 — 189 об.

[27] Там же. Л. 201.

согласно некоторым источникам, был настроен против масонских лож шведской системы и, в частности, ложи Петра к Правде[28].

Между тем активные действия, с одной стороны, Сперанского и Фесслера, с другой — Балашова и Жеребцова, а также наметившийся союз Фесслера с Жеребцовым вызвали опасения шведских и розенкрейцерских масонских лож. Глава шведского масонства И. В. Бебер, высказывая большое недовольство деятельностью Фесслера, внесшей разлад в братство, обвинял его в желании «сделать диверсию» и всячески противодействовал усиливавшемуся его влиянию[29]. В свою очередь Поздеев, один из лидеров розенкрейцеров, критикуя и дискредитируя планы Фесслера–Сперанского, решил использовать в борьбе с ними министра народного просвещения А. К. Разумовского. Одновременно, по обоснованному предположению А. И. Серкова, Поздеев «начинает склоняться к союзу с братьями “шведской” системы»[30].

В сложившейся ситуации острого противостояния общественных и политических сил осторожный Александр I решил не торопиться и, подписав первый и пообещав подписать второй из представленных Сперанским указов, повелел в августе 1810 г. создать специальный тайный комитет в составе «двух особ, знанием и степенями своими в масонском деле известных <...> под непосредственным наблюдением министра просвещения», изучить правила масонских обществ и «удостовериться в тех основаниях, на которых они могут быть терпимы или покровительствуемы»[31]. Для этого «каждый начальник ложи войдет в сношения и изложит им в духе доверенности и братства правила, основания и систему своей ложи»[32]. Одновременно приказывалось: «1) чтоб с сего времени до последнего окончания всех выше означенных сношений приостановлены были во всех ложах новые членов принятия; 2) чтоб сношения с начальниками лож, от правительства установляемых, были сохраняемы каждым из них лично в совершенной тайне не только для публики, но и для членов самих лож»[33].

---

[28] Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201 об.

[29] *Соколовская Т. О.* Раннее александровское масонство // Масонство в прошлом и настоящем. С. 175.

[30] *Серков А. И.* История русского масонства. С. 79.

[31] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 384. По мнению А. И. Серкова, комитет был составлен «для рассмотрения плана М. М. Сперанского — И. А. Фесслера» (*Серков А. И.* Русское масонство в XIX веке. С. 73). Высказывая это мнение, он исходит из приводимых А. Ф. Лабзиным сведений о том, что «Фесслер подал уже свой план государю чрез Сперанского (которого содержание увидишь ты в прилагаемом при сем листочке), и государь нарядил комитет для рассмотрения онаго из трех персон: 1) министра просв[ещения] 2) министра полиции и 3) Сперанского» (См.: Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 218 об.). Однако мнение Серкова представляется слишком категоричным и требует уточнения.

[32] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 383.

[33] Там же. С. 384.

В состав комитета вошли: министр просвещения Разумовский, министр полиции Балашов и Сперанский[34]. В связи с этим Серков делает вполне обоснованный вывод о том, что «в этом комитете были представлены члены различных масонских направлений: реформаторского (М. М. Сперанский), консервативного (А. К. Разумовский, член поздеевского круга), а также аполитичного еще в 1810 г. "французского" масонства (А. Д. Балашов)»[35].

В сентябре 1810 г. в соответствии с приведенным выше распоряжением руководители масонских лож А. А. Жеребцов, А. С. Сергеев и М. Ю. Виельгорский представили Разумовскому «акты, протоколы собраний и проч.». Это документируется запиской «Собранные сведения от начальников лож: Жеребцова, Виельгорского и Сергеева»[36]. По мнению А. Н. Пыпина, автором ее был министр полиции Балашов[37]. Однако, судя по содержанию, ее подготовил для Александра I министр просвещения Разумовский сразу же по получении масонских документов[38].

В записке он сообщал, кто и какие масонские документы представил, дал краткое описание масонских лож Жеребцова, Виельгорского и Сергеева (деятельность, количество и состав членов)[39]. Особое внимание Разумовский уделил характеристике масонских систем, по которым работали эти ложи. По его мнению, французская система «ничего осудительного в себе не заключает, <...> бумаги их состоят из одних обрядов и церемониалов; <...> учения в них мало, и предмету никакого»[40]. Из этого он делал вывод, что «в таком положении никакая ложа существовать долго не может», так как «занимаясь одними наружными обрядами, церемониалами и приемами, в продолжении времени занятие сие членам, конечно, покажется скучным; и тогда или вовсе ложа должна рушиться, или превратиться в общество шумное и непристойное, в коем главной целью собраний будет ложа столовая»[41]. Кроме того, он указывал, что «система сия весьма удобна к получению всякого направления, как полезного, так и вредного», что «в добром намерении она может быть обращена к полезной

[34] Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // РО РНБ. Ф. 656. Д. 24. Ед. хр. 24. Л. 218 об.

[35] *Серков А. И.* История русского масонства. С. 73–74. Однако материалы заседаний этого комитета до сих пор не обнаружены. На этом основании А. И. Серков обоснованно предполагает, что, возможно, они и не проводились.

[36] См.: *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 384–386.

[37] Там же. С. 384.

[38] Следует заметить, что А. И. Серков также считает, что автором был Разумовский (см.: *Серков А. И.* История русского масонства. С. 80–81). Это подтверждает и Е. А. Кушелев, по словам которого, не Балашов, а «министр просвещения граф Разумовский потребовал к себе акты» (*Кушелев Е. А.* Записка краткая историческая о начальном введении России масонских лож... С. 468).

[39] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 384–385.

[40] Там же. С. 385.

[41] Там же.

для нравственности цели», а «в противном она же может сделаться средством к распространению вредных и опасных внушений»[42]. Положительно Разумовский оценил шведскую систему, которая, по его словам, «полнее французской и весьма близко подходит к истинному масонству», и поэтому «с некоторым исправлением и пополнением легко может принять надлежащее и желаемое направление»[43].

Из записки Разумовского явствует, что полученные им документы он отдал «специально назначенным чиновникам для подробнейшего рассмотрения»[44], т.е. Балашову и Сперанскому.

По мнению А. Н. Пыпина, к этому подробнейшему рассмотрению относится и записка о масонских системах Фесслера и Розенкампфа[45]. Поздеев упоминал о ней в письме к Разумовскому от 20 октября 1810 г. В связи с этим А. И. Серков указывает, что «не позднее октября 1810 г. Г. А. Розенкампф и И. А. Фесслер подали императору план реорганизации масонства в России; особенно важным было участие в проекте М. М. Сперанского»[46].

Примерно в то же самое время Разумовский подготовил для Александра I свою записку о регламентации деятельности масонских лож. Об этом свидетельствует письмо Поздеева к Разумовскому, в котором он писал: «Благодарю покорно за вашу бумагу; она так хороша, что к ней нечего прибавить или убавить, кроме что одной матери-ложе трудно иметь дело во всем государстве; а не худо бы другую сделать в Москве, на что, кажется, легко согласить. Коли на эту вашу бумагу, без перемены актов, согласятся, весьма это хорошо <...>»[47]. В связи с этим представляет интерес опубликованная Пыпиным записка без указания автора. В ней предлагалось наряду с введением министерством полиции тайного надзора за масонскими ложами и установлением масонства «во всей его первоначальной чистоте» «образовать центр соединения, к которому примыкали и где сходились бы все учреждения этого рода, какие могли бы образоваться внутри империи, в каком бы то ни было месте», и «этим центром соединения была бы ложа-мать, основанная в столице», соответственно «всякая другая ложа в империи, не учрежденная этою ложей-матерью, не должна бы быть терпима». Судя по содержанию, автором этой записки был Разумовский.

Итак, осенью 1810 г. Александру I представили несколько проектов реформирования масонства. Во всех предлагалось подчинить масонские ложи одной провинциальной ложе. Однако оставалось неясным, какая масонская система будет положена в основу работ этой провинциальной ложи. Среди членов ко-

[42] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 386.

[43] Там же.

[44] Там же.

[45] Там же. С. 389.

[46] *Серков А. И.* История русского масонства. С. 72.

[47] *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880. С. 513.

митета не было единства в этом вопросе. Сперанский продвигал систему Фесслера. Балашов склонялся в пользу французского масонства Жеребцова. Разумовский поддерживал шведскую систему.

При этом поначалу перспективы Сперанского были весьма обнадеживающими. Он не без оснований мог рассчитывать на поддержку Александра I. Среди некоторых розенкрейцеров Сперанский также пользовался доверием. По крайней мере И. А. Поздеев не считал его основным противником и даже видел в нем человека близких взглядов. Скорее всего, Поздеев, а вероятно и Бебер, рассчитывали на возможный союз со Сперанским. Но данному союзу мешал Фесслер. Поэтому осенью–зимой 1810 г. Поздеев и Бебер использовали все имеющиеся у них возможности для дискредитации Фесслера.

В частности, в сентябре 1810 г. Поздеев получил из Германии документ под названием «Известие о профессоре Фесслере по отношению к масонству, выписка из анналов, выдаваемых в Кетене, о системе Фесслером скропанной». 23 сентября он отправил его Разумовскому. В этом же письме Поздеев просил Разумовского действовать не через Сперанского, а непосредственно выходить на Александра I, чтобы доказать ему, что система Фесслера — «это подкрадывающийся враг, отвергающий божество Иисуса Христа, а признающий его только великим мужем... тут змея есть — змея западная, вползающая в спокойство России»[48].

Одновременно в розенкрейцерских кругах была подготовлена записка о масонстве и масонских системах, в которой в частности указывалось: «Тончайшая и опаснейшая отрасль есть фесслерова сциентифическая или так [называемая] гамбургская система, ибо она ослепительным блеском своего учения пленяет разум и убеждает его в софизмах, в коих под видом иероглифического и символического языка чрез послабление страстям скрываются материализм и неверие для человека пагубные. В сей системе в вышних ее градусах отвергается откровение, воплощение и божество Иисуса Христа, а Священное Писание называется книгою классическою, для детей только нужною. Смело можно сказать и ясными доводами доказать, что фесслерово масонство есть вреднейшее и тем менее должно быть терпимо, что оно есть приуготовительный рассадник к иллюминатству»[49].

Кроме того, Разумовскому удалось подключить к дискредитации Фесслера Ж. де Местра, который в начале 1811 г. подал Александру I критический разбор конспекта лекционного курса Фесслера. В нем он обвинил философа в разрушении религии, нравственности и государственности[50].

В свою очередь Бебер в ноябре 1810 г. получил от немецкого масона Ф. Кастильона ответ на свое письмо, в котором просил сообщить ему подробные

[48] Там же. С. 475.

[49] Записки неустановленных лиц об истории и значении масонства, наставления и правила масонских лож // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 263. Л. 86.

[50] См.: *Вишленкова Е.* Заботясь о душах подданных. С. 139.

сведения о Фесслере[51]. Характеристика, данная Кастильоном Фесслеру, была исключительно отрицательной.

В результате влияние Фесслера в русской масонской среде стремительно уменьшалось. Не лучшим образом складывались дела и у Сперанского, который вслед за Фесслером также терял поддержку и влияние. По собственному признанию Сперанского, его называли «попеременно <...> мартинистом, поборником масонства, защитником вольности, гонителем рабства и <...> записным иллюминатом», преследовали как «опасного уновителя», «скрывая собственные <...> страсти под личиной общественной пользы». В частности, в сентябре 1810 г. Ростопчин сообщал императору, что «шайка мартинистов, имея в больших местах своих членов, в обществе проповедников и везде сообщников, скрытно достигает до своей цели и приготовляет разрушением начальств основание своей власти»[52].

Таким образом, осенью 1810 г. наметилось очевидное ослабление Сперанского, Фесслера и Жеребцова.

Зато совершенно иначе складывалась ситуация для Бебера и шведского масонства. Дело в том, что Беберу удалось побеседовать о масонстве с одним из великих князей, вероятнее всего, с Константином Павловичем, который по прочтении подаренного ему Бебером масонского молитвенника Г. Х. Вагнера передал его Александру I, заметив, что «он из книги убедился, что масонство не только не затрагивает религии и церкви, но что напротив, члены его должны питать глубокое уважение к религии, и что, как это еще явствует из этой же книги, они молятся за государя и правительство; а следовательно они верны и покорны существующему государственному строю и законам»[53].

Это оказалось как никогда кстати для Александра I, который в новой внешнеполитической ситуации, сложившейся после избрания 21 августа 1810 г. шведским наследным принцем симпатизировавшего России французского маршала Бернадота, по вполне очевидным мотивам решил сделать ставку на «шведских братьев».

Тем не менее даже в этой ситуации Сперанский не терял надежды убедить Александра I в необходимости и целесообразности реализации его проекта масонской реформы. Поэтому в феврале 1811 г. Сперанский обратился напрямую к государю, но тот отверг его проект масонской реформы, а также приказал выслать Фесслера из Санкт-Петербурга и закрыть ложу Полярной звезды.

Это свидетельствовало о том, что Беберу удалось окончательно убедить государя признать терпимым только шведское масонство. Но решение это

[51] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 391.

[52] Русский архив. 1881. Кн. III. С. 221.

[53] См.: *Л<иссне>р К.* К истории масонства в России // Русская старина. 1882. № 9. С. 547–549. Следует заметить, что в данном очерке автор, член ложи Александра к венчанному пеликану К. Лисснер, вспоминая спустя годы эти события, относит их к 1812 г. Но это ошибка. В действительности они произошли в 1810 г.

было объявлено только в октябре 1811 г. Соответственно французские ложи Соединенных друзей и Палестины, чтобы продолжить работы, вынуждены были подчиниться Беберу. По сути, это означало объединение масонских лож в подотчетную правительству единую организационную структуру во главе с Директориальной ложей Владимира к порядку[54]. Как указывал позднее Е. А. Кушелев, «наименование великой ложе "князя Владимира" присвоено весьма прилично, по тому уважению, что истинное масонство, по свидетельству самых древнейших его актов, исторических записок, различных документов и обрядов, основано на истинном христианстве; и что христианская религия введена в Россию и оная озарена, яко солнцем истины, святым крещением, по пламенному усердию ко Христу Спасителю помянутого великого князя Владимира»[55]. Кроме того, отныне «масоны должны были доносить правительству обо всех ставших им известными тайных обществах, подавать списки членов, не принимать в Орден лиц моложе 25 лет, сообщать о месте пребывания лож и о всех собраниях», а также «исключать из масонства всех лиц, коих захочет выключить из Ордена вольных каменщиков Министерство полиции»[56].

Итак, подводя общие итоги, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что обращение Сперанского к масонству было лишь эпизодом, который был локализован в его биографии определенными хронологическими границами и был вызван конкретной социально-культурной ситуацией, с одной стороны, и политическими задачами — с другой. Судя по всему, Сперанский решил превратить масонство в одно из государственных учреждений, а его членов в служащих этого учреждения, и таким образом вписать его в разработанную им общую государственную систему страны как идеологический инструмент духовного или нравственного воспитания нации. При этом Сперанский предлагал в качестве государственной идеологии христианизированный вариант масонской вселенской религии, в которой «согласны между собой все без исключения люди». По сути, это был проект огосударствления масонства. Однако в сложившихся условиях реализовать его не удалось.

References

Dva donosa v 1831 godu.Vsepoddannejshie pisma M. Magnickogo imperatoru Nikolau ob illuminatah // Russkaja Starina. 1899. N 2. S. 289–314.

Gauenshild F. M. Vospominanija // Russkaja Starina. 1902. T. 110. S. 251–262.

Korf M. A. Zhizn grafa Speranskogo. T. 1. Ch. I–II. SPb., 1861.

[54] Это вовсе не свидетельствует в пользу совершенно необоснованного мнения Вишленковой о том, что с этого времени масонские ложи под управлением великой Директориальной ложи Владимира к порядку стали работать по системе розенкрейцерства (см.: *Вишленкова Е.* Заботясь о душах подданных. С. 140). В данном случае она допускает очевидную ошибку, так как ни Бебер, ни ложи шведской системы не имели отношения к розенкрейцерству.

[55] См.: *Кушелев Е. А.* Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож... // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 468.

[56] *Серков А. И.* История русского масонства. С. 86.

Kushelev E. A. Zapiska kratkaja istoricheskaja o nachalnom vvedenii v Rossii masonskih lozh... // Russkaja Starina. 1877. T. 18. S. 455–479.

L<issne>r K. K istorii masonstva v Rossii // Russkaja Starina. 1882. N 9. S. 533–560.

Minakov A. U. Russkij konservatizm v pervoj chetverti XIX veka. Voronezh, 2011.

Pypin A. N. Russkoe masonstvo. XVIII — pervaja chetvert XIX v. Pg.: Ogni, 1916.

Serkov A. I. Istorij russkogo masonstva v XIX veke. SPb.: Izd-vo im. N. I. Novikova, 2000.

Sokolovskaj T. O. Rannee aleksandrovskoe masonstvo // Masonstvo v proshlom i nastoajshhem. M., 1915. T. 2. S. 153–202.

Vasilchikov A. A. Semejstvo Razumovskih. T. 2. SPb., 1880.

Vishlenkova E. Zabotjas o dushah poddannyh: religioznaja politika v Rossii pervoj chetverti XIX veka. Saratov, 2002.

Список литературы

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880.

Вишленкова Е. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.

Гауеншильд Ф. М. Воспоминания // Русская Старина. 1902. Т. 110. С. 251–262.

Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 2. С. 289–314.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. I–II. СПб., 1861.

Кушелев Е. А. Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож... // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 455–479.

Л<иссне>р К. К истории масонства в России // Русская старина. 1882. № 9. С. 533–560.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.

Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII — первая четверть XIX в. Пг.: Огни, 1916.

Серков А. И. История русского масонства в XIX веке. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2000.

Соколовская Т. О. Раннее александровское масонство // Масонство в прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2. С. 153–202.